

НЕПОБЕДИМАЯ КОЛОННА

С. М. Хенкин

Полвека назад в революционном движении Бразилии произошло событие, потрясшее воображение современников и поныне продолжающее вызывать глубокое восхищение. Отряд патриотически настроенных военных — тенентистов¹ поднял восстание против реакционного буржуазно-помещичьего правительства и начал партизанскую борьбу с ним. В течение двух с лишним лет повстанцы стремительно передвигались по огромной территории крупнейшей латиноамериканской страны, нанося неоднократные поражения преследовавшим их правительственным частям и в итоге так и оставшись для них неуловимыми. Эта беспримерная по героизму эпопея революционеров получила название похода Непобедимой колонны.

Буржуазная историография, как правило, дает поверхностную интерпретацию причин, характера и значения похода Непобедимой колонны².

В бразильской марксистской литературе о походе написано сравнительно немного³. Особо следует отметить работы и выступления Генерального секретаря ЦК Бразильской компартии, выдающегося деятеля международного коммунистического движения Луиса Карлоса Престеса, совершившего сложную и трудную эволюцию от мелкобуржуазного революционера — руководителя похода Непобедимой колонны — к марксизму⁴. В советской историографии борьба тенентистов получила лишь общую оценку⁵.

Между тем всесторонний анализ похода Непобедимой колонны представляется необходимым как с точки зрения исторического интереса, так и в плане политической актуальности. Опыт героического рейда тенентистов дает возможность лучше понять некоторые процессы, происходящие ныне в освободительном движении ряда стран, в частности деятельность демократически настроенного офицерства.

В настоящей статье предпринята попытка воссоздать целостную картину похода Непобедимой колонны в Бразилии в 1924—1927 гг. и

¹ От *tenente* (португ.) — лейтенант.

² См.: G. Carneiro. *História das Revoluções brasileiras*. Vol. 1. Rio de Janeiro. 1965; e jusd. O *Revolucionário Siqueira Campos*. Vol. 1—2. Rio de Janeiro. 1966; J. A. Lins de Barros. *Memórias de um Revolucionário*. I Parte. A Marcha da Coluna. Rio de Janeiro. 1954; L. M. Lima. *A Coluna Prestes (Marchas e Combates)*. São Paulo. 1945; N. Mascu lay. *The Prestes Column. Revolution in Brazil*. N. Y. 1974.

³ J. A. mado. *Vida de Luis Carlos Prestes, o Cavaleiro da Esperança*. São Paulo. 1945; A. Bastos. *Prestes e a Revolução Social*. Rio de Janeiro. 1946.

⁴ См. выступление Л. К. Престеса на дискуссии о тенентизме: «Колониальные проблемы». Сб. II. М. 1934; Л. К. Престес. Выбор, сделанный полвека назад. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 1; L. C. Prestes. *The Struggle for Liberation in Brazil*. N. Y. 1936.

⁵ Ю. А. Антонов. Бразилия: армия и политика (Исторический очерк). М. 1973; Б. И. Коваль. История бразильского пролетариата (1957—1967). М. 1968; А. Я. Лурье. Герой бразильского народа (Луис Карлос Престес). М. 1939; «Очерки истории Бразилии». М. 1962.

выяснить значение этого события для развития революционного движения в стране.

В середине 20-х годов Бразилия представляла собой отсталую, преимущественно аграрную страну, с еще далеко не завершенным процессом буржуазных преобразований. Экономически и политически в стране в период I Республики (1889—1930 гг.) господствовала буржуазно-помещичья «кофейная» олигархия штатов Сан-Пауло и Минас-Жераис, тесно связанная с иностранным (прежде всего английским) капиталом. Бразилия относилась к той категории стран, которую В. И. Ленин определял как группу «стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»⁶. В 1921 г. экономику страны поразил кризис, в основе которого лежало падение экспортных цен на кофе. Он привел к росту безработицы, к резкому увеличению налогов, чувствительно ударив по рабочему классу и мелкой буржуазии. В последовавшие за кризисом годы в Бразилии продолжала развиваться инфляция. С 1921 по 1927 г. цены на товары первой необходимости возросли почти в три раза⁷.

Тяжелое экономическое положение, реакционная политика коррумпированного режима «кофейной» олигархии вызвали сильное недовольство широких слоев населения, обострили классовые противоречия в стране. Однако гражданская оппозиция антинародному правительству была неорганизованной. Молодой бразильский пролетариат, принявший активное участие в революционном подъеме 1917—1920 гг., оказался в первой половине 20-х годов расколотым на несколько течений. Компартия возникла только в 1922 г., на ней висел груз анархо-синдикалистских воззрений, и она не могла еще возглавить борьбу рабочего класса. Неграмотное, разобщенное крестьянство, политически неопытные средние слои не были способны на организованную борьбу. Позиция крупной торгово-финансовой буржуазии, исторически тысячами нитей связанной с латифундизмом, характеризовалась инертностью по отношению к каким-либо нововведениям.

В этих условиях наиболее активной силой в оппозиционном лагере оказались молодые офицеры, которые, как указывает Л. К. Престес, жаждали перемен, мечтали о прогрессе нации⁸. Выдвижение передового крыла армии на авансцену политической жизни Бразилии не было случайным. Значительная часть военной молодежи вышла из средних городских слоев. Не связанная материальными интересами с элитой общества, она оказывалась весьма восприимчивой к жгучим проблемам действительности, которые рассматривала сквозь призму своего мелкобуржуазного мышления. К тому же в армии была сильна демократическая и республиканская традиция, ибо в конце XIX в. ее передовое крыло выступило одной из решающих сил в борьбе за уничтожение рабства и монархии. Поколение военной молодежи 20-х годов, унаследовав от отцов идею исторической ответственности вооруженных сил за судьбу нации, видело в армии, по словам полковника-республиканца Ф. Мендеса, «стража родины, защитника угнетенных, фактор прогресса, гаранта свободы и демократии»⁹. Все это привело к тому, что в 20-е годы Бразилия пережила своеобразный период в своем развитии — этап мелкобуржуазной революционности, «одетой» в военную форму и воплотившейся в тенентизме.

5 июля 1922 г. гарнизон самого мощного в Рио-де-Жанейро форта Копакабана поднял восстание, целью которого являлось свержение

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 383.

⁷ См.: В. Fausto. A Revolução de 1930. Historiografia e História. Rio de Janeiro. 1970, p. 94.

⁸ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 1, стр. 77.

⁹ H. Silva. 1922 — Sangue na Areia do Copacabana (O Ciclo de Vargas—Volume 1). Rio de Janeiro. 1964, p. 501.

правительства президента Э. Пессоа и недопущение к власти ставленника реакции А. Бернардеса¹⁰. Восстание возглавил 24-летний лейтенант Антонио Сийейра Кампос, легендарный герой бразильского народа, о котором его ближайший сподвижник Л. К. Престес впоследствии отзывался как о горячем патриоте, «храбрейшем из храбрых»¹¹. Выступления гарнизона форта Копакабана, а также попытки поднять восстание в некоторых частях гарнизона Рио-де-Жанейро и в других штатах были подавлены. В политической жизни Бразилии произошел поворот к жесточайшей реакции, особенно усилившейся после вступления в ноябре 1922 г. на пост президента А. Бернардеса. В стране было введено осадное положение. Правительство провело основательную чистку в вооруженных силах, но репрессии не остановили революционное брожение в армии. Офицеры-патриоты горели желанием свергнуть ненавистное деспотическое правительство, отомстить за своих погибших товарищей.

5 июля 1924 г. в Сан-Пауло — индустриальном сердце Бразилии — вспыхнуло новое восстание тенентистов. Его возглавляли генерал Исидоро Лопес, майор Мигел Коста и капитан Жоахим Тавора. После ожесточенных четырехдневных боев восставшие захватили город. Однако они допустили крупную ошибку, оставшись в Сан-Пауло, вместо того чтобы немедленно перейти в наступление и распространить восстание на всю страну. В течение двух недель правительственные войска осаждали город и подвергали его непрерывному артиллерийскому обстрелу. Тенентисты испытывали острый недостаток в бойцах, однако умеренно настроенное руководство не решилось привлечь к выступлению стихийно поддержавших восстание рабочих. 27 июля революционеры вынуждены были оставить Сан-Пауло. Повстанцы начали отступление на северо-запад Бразилии в направлении штата Мато-Гросо. Однако они не смогли захватить хорошо укрепленный город Трес Лагоас, после чего изменили маршрут движения. Тенентисты с боями спустились по реке Паране на юг и расположились на территории одноименного штата между Гуаирой и Фоц до Игуасо на границе с Парагваем. С ноября 1924 г. по март 1925 г. революционеры вели здесь неравную героическую борьбу с правительственными подразделениями, значительно превосходившими их по численности. 27 марта 1925 г. пал главный оплот повстанцев — поселок Катандувас. Тенентисты оказались на грани поражения. Однако вопреки надеждам правительства революционное пламя в Бразилии не потухло.

Восстание в Сан-Пауло, вызвавшее широкий отклик по всей Бразилии, нашло наиболее успешное продолжение в штате Рио-Гранде-до-Сул, на крайнем юге страны. В конце октября 1924 г. в этом штате восстали гарнизоны некоторых городов. Вскоре, однако, почти все очаги революционного движения были подавлены. Борьбу продолжал лишь отряд 26-летнего капитана Луиса Карлоса Престеса. Л. К. Престес родился в 1898 г. в штате Рио-Гранде-до-Сул в семье военного инженера. Он закончил военное училище, а затем Высшую военную школу в Рио-де-Жанейро. В штате Рио-Гранде-до-Сул Л. К. Престес командовал батальоном, строившим железную дорогу. В конце декабря 1924 г. после двухмесячных боев в штате отряд Л. К. Престеса прорвал кольцо окружения и двинулся на север, на соединение с войсками генерала И. Лопеса, отступавшими из Сан-Пауло. В апреле 1925 г., преодолев невероятные

¹⁰ Поводом к этому и последующим выступлениям тенентистов послужил так называемый «инцидент с письмами». В октябре 1921 г., в разгар предвыборной кампании, в либеральной газете были опубликованы письма за подписью официального кандидата на пост президента А. Бернардеса (в марте 1922 г. он был избран президентом и 15 ноября должен был занять свой пост), содержавшие оскорбления в адрес патриотических кругов армии. Хотя подлинность писем и не была доказана, во взаимоотношениях передового офицерства и власти образовался «кризис доверия», продолжавший углубляться и достигший апогея в июле 1922 года.

¹¹ «Voz operaria» (Rio de Janeiro), 29.X.1954.

трудности, отряд пришел на помощь продолжавшим еще сопротивляться после поражения при Катандувасе частям генерала И. Лопеса.

12 апреля в Фоц до Игуасо состоялось совещание руководителей двух отрядов, на котором обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе движения. Л. К. Престес выдвинул исключительно смелый план: начать подвижную партизанскую войну на территории Бразилии. «Война в Бразилии на любой ее территории,— отмечал он,— должна быть войной маневренной. Для нас, революционеров, в движении — залог победы. Позиционная война годится только для правительства, в распоряжении которого имеются военные заводы, монетные дворы и достаточное количество неграмотных, которых можно бросить против наших пулеметов»¹². В бразильской военной доктрине господствовала в то время теория позиционной войны, войны резервов. Ее, в частности, придерживались повстанцы, отступившие из Сан-Пауло. Предложение Л. К. Престеса, ломавшее сложившиеся стереотипы, означало настоящий переворот в стратегии и тактике военных операций. Подтверждением правильности новой точки зрения стал блестящий рейд, совершенный отрядом Л. К. Престеса из штата Рио-Гранде-до-Сул.

Но не все тенентисты согласились с новаторской идеей Л. К. Престеса. Многих она пугала, «казалась абсурдной: разве можно пересечь огромную Бразилию, «землю без конца...», где их ждало столько трудностей?»¹³. Ряд повстанцев, отступивших из Сан-Пауло и совершенно истощенных продолжавшимися уже 9 месяцев боевыми действиями, высказался за прекращение борьбы. Эти тенентисты (среди них находился и «военный» вождь революции 1924 г.» генерал И. Лопес) эмигрировали в Аргентину, Боливию и Парагвай и занялись там подготовкой революционного движения. Большинство же повстанцев поддержало точку зрения Л. К. Престеса, заявив о необходимости продолжать борьбу. Отряд Л. К. Престеса и остатки войск, отступивших из Сан-Пауло, объединились в боевую дивизию. Ее возглавил генерал Мигел Коста, начальником штаба был назначен полковник Луис Карлос Престес, вскоре ставший военным и политическим руководителем колонны¹⁴, его заместителем — подполковник Жуарес Тавора. Секретарем колонны стал Лоуренсо Морейра Лима. Колонна была разделена на четыре отряда, которые возглавили видные тенентисты: Освалдо Кордейро де Фариас, Жоао Алберто Линс де Баррос, Антонио Сикейра Кампос и Джалма Дутра. Численность дивизии составляла 1500 человек, в ее составе было 300 штатских¹⁵.

Повстанцы сразу же оказались в очень тяжелом положении: они были окружены правительственными войсками и прижаты к пограничной реке Паране. Но тенентисты нашли выход из мышеловки. Колонна переправилась через Парану на территорию соседнего Парагвая и, пройдя по ней небольшой отрезок, 30 апреля 1925 г. снова вступила в пределы Бразилии. Целью похода колонны было вызвать широкое революционное движение в стране, прежде всего восстания патриотически настроенных военных в крупных городах и столице. Тенентисты рассчитывали, что своими действиями им удастся отвлечь на себя крупные правительственные силы и облегчить тем самым эти выступления. Движущаяся по стране колонна, таким образом, должна была стать пропагандистом революции, ее организатором и символом¹⁶. Мемуары тенентистов во-

¹² L. M. Lima. Op. cit., p. 110.

¹³ J. A m a d o. Op. cit., p. 112.

¹⁴ В колонне существовала своя иерархия чинов. Отличившиеся офицеры и солдаты по решению командования получали более высокие воинские звания. Например, Л. К. Престес закончил поход генералом.

¹⁵ «O Cruzeiro» (Rio de Janeiro), 17 de julho, № 29, 1974.

¹⁶ В начале 1925 г., двигаясь на помощь к частям И. Лопеса, Л. К. Престес считал целью маневренной войны поход объединенных сил революционеров на Рио-де-Жанейро (см. L. M. Lima. Op. cit., p. 111). Вскоре, однако, от этой идеи пришлось отказаться вследствие малочисленности колонны и отсутствия поддержки населения.

скрещают волнующие страницы героической эпопеи, рисуют яркие портреты ее участников. Большой интерес представляют воспоминания секретаря колонны, адвоката Л. М. Лимы, ставшего летописцем похода.

Сферой действий повстанцев являлись огромные просторы центральных, северных и северо-восточных штатов Бразилии. То были главным образом малонаселенные сельские районы, в которых отсутствовали транспорт, дороги. Географические карты, существовавшие в то время, давали зачастую лишь самое общее представление о характере местности. Дикая, необузданная природа внутренних районов Бразилии стала могучим противником тенентистов. Революционеры зачастую шли по местам, где никогда не ступала нога человека. Они прорубали просеки в непроходимой стене девственных лесов и колючих кустарников, взбирались на неприступные горные кручи, форсировали реки и топи. Бойцы колонны шли в любую погоду, днем и ночью. Многократно сталкивались они с тяжелейшими лишениями, испытывали острую нехватку самого необходимого. «Солдаты и офицеры шли разутыми, в грязной одежде, с длинными бородами и растрепанными волосами, доходившими им до груди и до плеч»¹⁷. Они теряли боевых товарищей, страдали от голода, жажды, болезней. Но ничто не могло сломить мужественных борцов. Их воодушевляли высокие идеалы свободы и справедливости, несокрушимая вера в правоту своего дела. Дух товарищества, взаимная выручка помогали переносить тяготы похода.

Поход колонны Престеса являлся особой формой партизанской войны, отличавшейся определенным своеобразием. Во-первых, партизанские действия вел отряд профессиональных военных, для внутренней структуры которого были характерны все присущие армии особенности. Советский ученый Г. И. Мирский отмечает: «Централизация управления, строгая иерархия, дисциплина, легкость внутренней связи — все это по сравнению с гражданскими организациями составляет сильную сторону вооруженных сил и способствует эффективности действий военных, когда они берутся за выполнение политических задач»¹⁸. Штатские, находившиеся в составе колонны, главным образом выходцы из штата Рио-Гранде-до-Сул, должны были подчиняться строгой военной дисциплине. Во-вторых, рейд повстанцев не ограничивался изолированным, географически определенным районом, а охватывал практически всю территорию Бразилии. «Война в движении» (колонна обычно нигде не задерживалась свыше 48 час.¹⁹) в условиях огромной страны стала мощным оружием тенентистов.

Правительство А. Бернардеса использовало против повстанцев значительные силы: подразделения федеральной армии, полицию штатов, так называемые патриотические батальоны, формировавшиеся латифундистами. Для борьбы с колонной власти не брезговали даже подкупом хорошо знавших местность лесных бандитов. Логика противопартизанской войны ставила перед верными правительству частями задачу навязать революционерам решительное сражение и разгромить их. Сделать это, однако, оказалось невозможным. На протяжении всего похода инициатива полностью находилась в руках повстанцев. Внезапность действий, искусное маневрирование с неожиданной сменой направлений движения дезориентировали преследовавшие колонну правительственные части. Солдаты противника очень часто не знали ни направления движения тенентистов, ни их целей. Они были вынуждены принимать бой там, где это было удобно повстанцам. Успешным боевым действиям революционеров способствовала хорошо налаженная разведывательная служба. «Колонна направляла во все стороны маленькие отряды, ко-

¹⁷ L. M. Lima. Op. cit., p. 130.

¹⁸ Г. И. Мирский. Армия и политика в странах Азии и Африки. М. 1970, стр. 10.

¹⁹ См. N. W. Sodre. História Militar de Brasil. Rio de Janeiro. 1968, p. 217.

торые удалялись иногда до 1500 км от головных сил»²⁰. Отряды доставляли руководству колонны ценные сведения о противнике и в то же время вводили последнего в заблуждение относительно местонахождения основных сил тенентистов. Тактическая линия повстанцев заключалась в том, чтобы избегать крупных городов и больших сражений с превосходящими силами противника. Эту точку зрения Л. К. Престес отстаивал в спорах с одним из руководителей колонны, М. Костой, считавшим, что тенентисты должны дать решающее сражение. Л. К. Престес справедливо полагал, что неудача в таком бою может стать роковой для колонны и будет означать подавление революционного движения.

Поход Непобедимой колонны ярко раскрыл блестящий военный талант ее руководителей, прежде всего Л. К. Престеса. «За два с небольшим года,— вспоминает Престес,— мы прошли всю страну с юга на север и с востока на запад, участвовали в сотнях сражений, ни разу не потерпев поражения от правительственных сил, которые в десять, двадцать раз превосходили нас по численности и пользовались поддержкой властей штатов, муниципалитетов и многочисленных местных каудильо»²¹. Тенентисты осуществили множество замечательных боевых операций. Они нападали на верные правительству войска в самый неожиданный для последних момент, нередко сталкивали неприятельские части друг с другом, вырывались из окружения в, казалось бы, безвыходных положениях²².

Среди этих операций выделяется дерзкий маневр, проведенный в апреле 1926 года. Революционеры, преследуемые правительственными частями, вошли из штата Баия в штат Минас-Жераис. Правительство сконцентрировало у реки Сан-Франциско, протекающей в штате, значительные силы, полагая, что тенентисты захотят форсировать ее. Повстанцы, таким образом, оказались между двумя неприятельскими колоннами. Они создали видимость того, что направляются к реке, но затем резко повернули на север и, сделав большую петлю, вновь вступили в Баию. Революционеры прошли между находившимися друг от друга на расстоянии трехчасового марша федеральными подразделениями, параллельно им, но в обратном направлении. Этот маневр полностью дезориентировал неприятеля, продолжавшего искать колонну в Минас-Жераисе. В то же время штат Баия оказался свободным от правительственных частей²³.

Поход колонны был поддержан выступлениями патриотически настроенных военных в различных частях Бразилии (Рио-де-Жанейро, Пернамбуко, Сержипи, Рио-Гранде-до-Сул). Все эти восстания были подавлены. Массового революционного движения в стране бойцам колонны вызвать не удалось. В силу этого, а также крайней усталости и истощения повстанцев руководители тенентистов приняли решение временно приостановить боевые действия на территории Бразилии. 3 февраля 1927 г. колонна была интернирована в Боливии.

В литературе, освещающей поход Непобедимой колонны, по существу, не предпринимались попытки дать периодизацию героического рейда. Сделать это весьма затруднительно из-за отсутствия четко очерченных этапов в истории похода. Тем не менее, видимо, можно условно выделить два основных этапа. Первый этап — с октября 1924 г. по апрель 1926 года. В этот период колонна пересекла всю Бразилию с юга на север и с севера вновь направилась на юг, достигнув штата Минас-Жераис. Второй этап — с апреля 1926 г. по февраль 1927 года. В апреле 1926 г. руководители колонны приняли решение об эмиграции из Бра-

²⁰ «Колониальные проблемы». Сб. II, стр. 235.

²¹ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 1, стр. 77.

²² L. M. Lima. Op. cit., pp. 106, 293, 432 etc.

²³ Ibid., pp. 306—307.

зилии. Из Минас-Жераиса они направились к северному штату Пернамбуко и оттуда двинулись на юго-запад, дойдя до границы с Боливией. В общей сложности с октября 1924 г. по февраль 1927 г. повстанцы прошли с боями 13 штатов Бразилии, покрыв расстояние свыше 25 тыс. километров. Заключительным аккордом героической эпопеи, ее ярчайшей страницей стал рейд отряда С. Кампоса, руководителя восстания 1922 г. в форте Копакабана. В октябре 1926 г. отряд С. Кампоса, получив задание отвлечь внимание неприятеля от основных сил колонны, затем разминувся с ними. В поисках колонны конный отряд совершил исключительный по быстроте переход по штатам Мато-Гросо, Гояс и Минас-Жераис, вызвавший полное замешательство в лагере правительственных войск. За пять месяцев революционеры покрыли расстояние в 9 тыс. километров. Лишь в конце марта 1927 г., узнав, что колонна прекратила борьбу, отряд С. Кампоса интернировался на территории Парагвая.

Поход Непобедимой колонны отразил глубокую внутреннюю противоречивость тенентизма: с одной стороны, горячий патриотизм, страстное желание изменений в жизни страны и народа, готовность во имя этого идти на самопожертвование, с другой—крайнюю непоследовательность, непонимание задач, стоящих перед освободительным движением. Мелкобуржуазный характер движения отчетливо выявляется при рассмотрении программных установок повстанцев и их социальных связей во время похода.

На протяжении похода тенентисты издавали манифесты и воззвания, в которых излагали причины и задачи своей борьбы. С той же целью выпускалась распространявшаяся среди населения газета «O Libertador» («Освободитель»), девизом которой были слова «Свобода или смерть!». В воззвании к населению, опубликованном 19 октября 1925 г. в Порто Национал (штат Гояс), указывалось, что Бразилия переживает период социальной деградации и беззакония, виновата в которых стоящая у власти группа профессиональных политиков, заботящихся лишь о собственном обогащении. «Народ может быть уверен,— подчеркивали повстанцы,— что революционные солдаты не опустят знамя свободы до тех пор, пока не будет уничтожена атмосфера деспотизма...»²⁴.

Программа революционного движения наиболее полно изложена в обращении тенентистов к населению штата Рио-Гранде-до-Сул от 29 октября 1924 года. Повстанцы отмечали в нем, что революция не предусматривает разрушения существующих политических институтов, а лишь стремится их упростить, унифицировать и улучшить. Тенентисты выдвигали следующие основные требования: запрещение вмешательства исполнительной власти в дела штатов, упорядочение юстиции и контроль за ее соблюдением со стороны верховного федерального суда, федерализация и улучшение системы образования и налоговой политики, введение всеобщего тайного голосования, разоблачение и наказание расхитителей народного достояния и т. д.²⁵.

Несомненно, что требования повстанцев были направлены против безраздельного господства «кофейной» олигархии. Они отразили стремление революционеров к оздоровлению общественно-политической обстановки в Бразилии, унификации жизни страны. Тенентисты, таким образом, объективно выступали как носители передовой для того времени буржуазно-демократической тенденции развития Бразилии. Они выражали интересы не какого-то одного класса или социальной группы, а широкого конгломерата социальных сил, заинтересованных в прогрессе нации. Но антиолигархическая борьба революционеров была очень слаба, она ограничивалась преимущественно политико-юридическими требованиями в области надстройки, к тому же сформулированными зачастую весьма абстрактно. Программа совершенно не затрагивала основ

²⁴ Ibid., p. 573.

²⁵ G. Carneiro. O Revolucionário Siqueira Campos. Vol. I, pp. 322—323.

существующего строя. Огромным ее недостатком являлось отсутствие требований по аграрному, рабочему вопросам, по вопросу о борьбе с империализмом. Источник всех общественных зол, в том числе и социальных бедствий, мелкобуржуазные революционеры усматривали не в отношениях собственности, а в испорченности государственного механизма, в искажении функций политико-юридических институтов. По справедливому замечанию прогрессивного бразильского социолога А. Бастоса, «это была борьба не против существующей системы, а против ее отдельных деталей»²⁶.

Буржуазным историкам, пишущим о движении тенентистов, как правило, импонирует умеренность лозунгов повстанцев, не покушавшихся на устои существующей социально-политической системы. Эти авторы не видят или не хотят видеть того, что идеологическая незрелость движения была во многом исторически обусловлена недостаточным развитием общественно-экономических отношений в Бразилии 20-х годов, почти полным отсутствием парламентско-конституционалистских традиций, политической и духовной ограниченностью буржуазно-либеральной интеллигенции. Канонизируя повстанцев, пытаясь представить их борьбу как образец для революционных сил, буржуазная историография игнорирует присущий многим тенентистам глубокий разрыв между благородным желанием служить народу и неспособностью сформулировать и обосновать соответствующие этому желанию программные требования. Важно подчеркнуть, что разработка программы занимала у революционеров, наивно считавших, что их намерения и так понятны населению, далеко не главное место. Молодые лейтенанты начали борьбу, по существу, стихийно, не имея каких-либо твердых установок. Ими двигали пылкий патриотизм, «правдоискательство». То были романтики революции, отказавшиеся от привилегированного и обеспеченного положения, которое сулила им офицерская карьера, и бросившиеся в неведомый мир борьбы. Практика движения тенентистов, таким образом, резко опережала его теорию, а незрелость программных установок повстанцев являлась не виной их, а бедой. По меткому замечанию современника, «тенентист в глубине души не знал, чего он хотел, и очень смутно понимал, чего он не хотел»²⁷. Видный участник движения А. Барата вспоминал позднее, что «главный аргумент их был таким: необходимо свергнуть это правительство и установить новое, потому что оно не может быть хуже того, которое сейчас»²⁸.

Характерно, что свою борьбу повстанцы рассматривали и как средство морального давления на правительство. Несколько раз во время похода тенентисты предпринимали попытки добиться соглашения с властями. Так, в письме к федеральному депутату Б. Лузардо руководители колонны писали, что готовы прекратить борьбу при условии удовлетворения таких требований, как ликвидация реакционного закона о печати, введение тайного голосования, амнистия и отмена осадного положения²⁹.

Движение тенентистов родилось в городах, программные установки его предусматривали прежде всего удовлетворение требований населения крупных центров. Обстоятельства, однако, сложились так, что революционерам пришлось действовать в бразильской деревне, разительно отличавшейся по степени развития и условиям жизни населения от города. «Не подлежит сомнению,— отмечает А. Бастос,— что речь шла о городской революции против феодальных пережитков в деревне»³⁰. Но в программном отношении тенентисты оказались не подготовленными для

²⁶ А. Бастос. *Op. cit.*, p. 128.

²⁷ См. J. D. Wirth. *Tenentismo in the Brazilian Revolution of 1930*. «The Hispanic American Historical Review». 1964, № 2, p. 167.

²⁸ А. Барата. *Vida de um Revolucionário (Memórias)*. Rio de Janeiro. 1962, p. 81.

²⁹ L. M. Lima. *Op. cit.*, pp. 192—193.

³⁰ А. Бастос. *Op. cit.*, p. 204.

ведения борьбы в сельской местности, специфики которой они совсем не знали. Социальные связи революционеров во время похода ярко это подтверждают.

На протяжении всего похода революционеры старались поддерживать лояльные отношения с представителями буржуазно-помещичьей олигархии, то есть с людьми, олицетворявшими собой систему, безопасности которой угрожали восставшие. Еще в самом начале своего рейда они заявили, что «порядок, неприкосновенность собственности будут строго соблюдаться»³¹. Изъятие у помещиков средств, необходимых для ведения партизанской войны, проводилось в очень ограниченных количествах³². Правда, некоторые антиолигархические меры были приняты. На пути своего следования тенентисты сжигали долговые книги, налоговые списки и протоколы судебных дел, разрушали тюрьмы и орудия пыток, освобождали невинно арестованных. Однако эта важная революционная деятельность осуществлялась крайне нерегулярно. Повстанцы боролись лишь с наиболее вопиющими злоупотреблениями лати-фундистов. Используя меткое выражение К. Маркса, можно сказать, что бойцы колонны вели себя по отношению к реакционной буржуазно-помещичьей олигархии, «как тот борец, который не только боялся употребить в дело свое собственное оружие, но чувствовал себя обязанным сохранить в целости оружие своего противника»³³.

Чрезвычайно характерным для тенентистов во время похода было желание установить контакты с теми представителями имущих классов, которые находились в оппозиции к правительству. Следует отметить, что повстанцы стремились к союзу с ними, ибо сознавали собственную малочисленность и хотели расширить социальную базу революционного движения. Несомненно, определенную роль сыграла в этом и присущая военным служащим тяга к иерархии, к подчинению авторитетным вышестоящим лицам, в том числе и штатским. «Гражданским лидером революции 1924 г.» тенентисты объявили политика из штата Рио-Гранде-ду-Сул Ассиса Бразила. Оппозиционно настроенным политикам восставшие намеревались в случае успеха передать власть в стране. Тенентисты связывали с «хорошими» политиками свои сокровенные надежды на лучшее будущее Бразилии и ее народа. При этом повстанцы часто не учитывали, что многие представители буржуазно-помещичьих кругов находились в лагере оппозиции лишь по соображениям политиканства. Говоря ленинскими словами, для революционеров речь шла о «людях» вообще, а не о людях определенных классов³⁴. То был, по существу, «детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничем не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обуславливаются их действия»³⁵.

Представители господствующих классов, даже настроенные либерально, отнеслись в большинстве случаев враждебно к революционерам. В шкалу социальных ценностей буржуазно-помещичьей олигархии «не вписывались» тенентисты, эти «солдаты» и «смутьяны», поставившие своим восстанием под угрозу ее власть и собственность.

Оборотная сторона медали — взаимоотношения тенентистов с трудящимися Бразилии. Стоявшие на позициях абстрактного гуманизма революционеры сочувствовали тяжелому положению народа, искренне стремились к тому, чтобы улучшить его жизнь, гневно и страстно обличали произвол олигархии. Но трудящиеся при этом, указывает Л. К. Престес, оставались для них забитой и аполитичной массой, «существами

³¹ «Колониальные проблемы». Сб. II, стр. 234—235.

³² L. M. Lima. Op. cit., p. 138.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 53.

³⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 200.

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 430.

низшего порядка, смиренно подчиняющимися образованной элите и власти имущим»³⁶. Повстанцы считали себя «спасителями» нации, которые должны «осчастливить» народ реформами «сверху». Они боролись, убежденные в том, что их действия полностью соответствуют чаяниям трудящихся. Однако, не поняв необходимости разрешения аграрного вопроса, они остались без поддержки крестьянства, которая имела важнейшее значение для успеха. Попытки восставших путем тактики быстрых маршей добиться увеличения численности колонны оказались неудачными.

Темное и забитое бразильское крестьянство в большинстве штатов заняло безразличную и даже враждебную позицию по отношению к революционерам. Зачастую сельские жители не видели разницы между повстанцами и лесными бандитами, совершавшими постоянные набеги на крестьян. При приближении колонны многие крестьяне либо прятались, либо устраивали засады, причинявшие значительный ущерб революционерам. Немалую роль в этой враждебности сыграла лживая правительственная пропаганда, называвшая повстанцев «шайкой оборванных и голодных бандитов, которые прячутся в лесах и выходят оттуда лишь для того, чтобы грабить беззащитное население»³⁷. Власти обещали сельскому населению крупные денежные вознаграждения за убийство или поимку руководителей колонны. Социальный вакуум, в котором оказались тенентисты в большинстве районов Бразилии, стал подлинной трагедией похода. Объясняя главную причину взаимного непонимания восставших и крестьян, Л. К. Престес указывает: «Крестьяне не обладали необходимым политическим сознанием. Участники колонны тоже не могли вносить его, поскольку сами еще были неспособны понять всю глубину социальных проблем, осмыслить классовые различия в деревне. Такое сознание можно было развить в результате терпеливой агитационно-пропагандистской деятельности, с помощью организации, вооруженной теорией и связанной с жизнью трудящихся, а не путем прямых действий...»³⁸. Вместе с тем в некоторых районах сельское население отнеслось с симпатией к бойцам колонны, правильно поняло истинный смысл движения, направленного против правительства и олигархии. В штатах Мараньян и Пиауи, где были развиты революционные традиции, крестьяне встречали повстанцев как своих освободителей. К тенентистам здесь присоединилось большое количество добровольцев. Например, в штате Бернардино численностью в 200 человек³⁹.

Глубокая противоречивость «войны в движении» состояла в том, что, не будучи побежденной, колонна, придерживавшаяся оборонительной тактики, не могла стать и победительницей. Чтобы победить, необходимо было дополнить маневренную тактику позиционной, то есть сделать остановку, создать крупный революционный район и развернуть широкое движение против буржуазно-помещичьей олигархии с обязательным привлечением крестьянских масс. Сделать это, однако, в тех условиях было практически невозможно. При отсутствии же такой базы повстанцы, уходя из занимавшегося ими района, по сути дела, вновь отдавали его преследовавшим их правительственным частям. Успех партизанской борьбы в ходе кубинской революции показал, какое огромное значение для победы имеет тесный союз повстанческой армии с крестьянством и создание района с революционными органами власти. Э. Че Гевара отмечает, что партизанская война «с усилением мощи основной действующей группы превращается в позиционную войну», а «партизанская армия приобретает характер армии регулярной. С этого момента она готова нанести решительные удары по врагу и добиться по-

³⁶ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 1, стр. 77.

³⁷ См. G. Carneiro. O Revolucionario Siqueira Campos. Vol. 2, p. 452.

³⁸ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 1, стр. 77—78.

³⁹ L. M. Lima o. Op. cit., p. 203.

беды. Окончательная победа всегда будет результатом действий регулярной армии, хотя зарождается она в борьбе партизанской армии»⁴⁰.

В связи с рассмотрением вопроса о социальных контактах тенентистов особо следует остановиться на взаимоотношениях повстанцев с компартией. Специфичность освободительного движения в Бразилии заключалась в том, что в многоукладном обществе незавершенные задачи, оставшиеся от прошлого, переплетались с новыми (необходимость завершения буржуазно-демократических преобразований, антиимпериалистическая и антикапиталистическая борьба). Это создавало объективную основу для одновременного существования различных по своей классовой природе передовых идей и революционных потоков. В 20-е годы борьбу за лучшее будущее Бразилии вели две силы — рабочий класс, возглавлявшийся компартией, и мелкобуржуазные революционеры — тенентисты. Но течения, цели которых на этапе демократической революции объективно совпадали, не пересеклись.

Выходцы из рядов мелкой буржуазии, сформировавшиеся в условиях отсталой, аграрной страны и подвергавшиеся интенсивной идеологической обработке со стороны реакционного правительства, имели очень смутное представление о коммунизме. «В то время в нашей среде не говорилось о коммунизме,— отмечает командир одного из отрядов Непобедимой колонны Жоао Алберто Линс де Баррос.—...Я даже считал, что в Бразилии не существовало коммунистической партии»⁴¹. Вместе с тем большинство политически неопытных коммунистов, только недавно порвавших с анархо-синдикализмом, стремились оградить себя от влияния мелкобуржуазной идеологии и относились к тенентистам враждебно. Борьба повстанцев рассматривалась как «реакционное движение мелкой буржуазии, которая выступала в союзе с буржуазией и помещиками и стремилась спасти частную собственность»⁴². Таким образом, в 20-е годы прогрессивные силы Бразилии вели борьбу в отрыве друг от друга, и в этом очень важный источник неудачи похода колонны Престеса. В. И. Ленин подчеркивал: «Только *соединенный* натиск рабочих масс, крестьянства и лучшей части армии может создать условия *победоносного*, т. е. *своевременного* восстания»⁴³.

Революционеров не поддержала в своей массе и армия, на которую они делали основную ставку, видя в ней единственную силу, способную свергнуть реакционное правительство. В. И. Ленин указывал на «зависимость движения в войсках от соотношения общественных сил»⁴⁴. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в походе Непобедимой колонны почти не приняло участия высшее офицерство, которое вросло в существующую социально-политическую систему и было в большинстве своем, по словам известного североамериканского исследователя Дж. Джонсона, «таким же политически консервативным, как и гражданские власти»⁴⁵. В то же время далеко не каждый офицер младшего и среднего звена являлся «тенентистом». Таким образом, офицерский корпус бразильской армии представлял собой в 20-е годы арену острой борьбы двух течений — демократического и реакционного, исход которой имел важнейшее значение для будущего страны. Характерно, кстати, что многие офицеры, оставшиеся на стороне правительства, симпатизировали революционерам.

Был ли исторически оправдан поход Непобедимой колонны «с точки зрения объективных условий момента и учета общественных сил»⁴⁶?

⁴⁰ Э. Че Гевара. Партизанская война. М. 1961, стр. 15, 17.

⁴¹ J. A. Lins de Barros. Op. cit., p. 149.

⁴² «Колониальные проблемы». Сб. II, стр. 242.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 3.

⁴⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 289.

⁴⁵ J. J. Johnson. Political Change in Latin America: the Emergence of the Middle Sectors. Stanford (California). 1958, p. 161.

⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 178

Решение этого вопроса имеет принципиальное значение в свете идейных споров, развернувшихся вокруг оценки места и роли партизанских действий в революционном процессе в наше время. Правые оппортунисты, уповающие лишь на мирные средства борьбы, отрицают необходимость использования партизанской борьбы революционерами, видят в ней лишь авантюризм. Различные левацкие группы, напротив, фетишизируют партизанские действия, считают их пригодными в любых условиях.

Политическая (не говоря уже о военной) целесообразность похода Непобедимой колонны не вызывает сомнений. Диалектическая оценка конкретно-исторических условий, сложившихся в Бразилии в середине 20-х годов, приводит к выводу, что при отсутствии в стране революционной ситуации симптомы общенационального политического кризиса становились все более очевидными. Они проявлялись в тяжелом экономическом положении и политическом беспорядке широких масс, в революционном брожении, охватившем различные слои населения и армию, в падении престижа правящей олигархии. В то же время в стране отсутствовали легальные, конституционные возможности для свержения олигархического режима. В этих условиях «безумство храбрых» отвечало насущной исторической необходимости, отражало всеобщее стремление к переменам и поэтому являлось глубоко закономерным. «Как раз наиболее важной особенностью партизанской войны,— отмечает Генеральный секретарь ЦК Уругвайской партии Р. Арисменди,— является то, что она не всегда возникает в условиях конкретной, типичной и идеальной революционной ситуации»⁴⁷. Применяемая в подходящий момент партизанская война выступает «как фактор, подготавливающий вооруженное восстание, как фактор, формирующий законченную революционную ситуацию»⁴⁸. Именно так и произошло в Бразилии.

Несмотря на неудачу, поход Непобедимой колонны имел исключительно большое значение для дальнейших судеб Бразилии. Беспрецедентный рейд всколыхнул страну, способствовал пробуждению политического самосознания широких масс. Героическая борьба тенентистов вызвала глубокий отклик в сердцах тысяч бразильских патриотов, побудив их к активным действиям. В условиях страны, где остро стояла проблема соперничества между штатами, колонна, в которой перемешались уроженцы различных районов, выступила как носитель идеи национального единства, как фактор преодоления региональных различий. История революционного движения в Бразилии до этого не знала выступлений подобного масштаба. Борьба революционно настроенных военных серьезно расшатала основы политического могущества «кофейной» олигархии и подготовила почву для ее свержения в 1930 году. Оценивая поход Непобедимой колонны, ее руководитель Луис Карлос Престес сказал почти полвека спустя: «Политическое значение марша колонны трудно переоценить. Пронеся знамя восстания почти через всю Бразилию, она продемонстрировала широким массам возможность победы над угнетателями, наполнила сердца патриотов надеждой и энтузиазмом. У колонны не было четкой программы социально-экономических и политических требований. Но она явилась первым ярким эпизодом борьбы нашего народа против помещиков и империалистов, за свободу, национальную независимость и общественный прогресс и потому оставила неизгладимый след в памяти бразильцев»⁴⁹.

На самих тенентистов поход колонны оказал противоречивое воздействие. Большинство их поверхностно восприняло уроки двухлетней борьбы, осталось при старом убеждении, что коренные проблемы Бразилии могут быть решены путем простой смены лиц у власти. Эти тенен-

⁴⁷ Р. Арисменди. Ленин, революция и Латинская Америка. М. 1973. стр. 475—476.

⁴⁸ Там же, стр. 458.

⁴⁹ «Проблемы мира и социализма», 1973, № 1, стр. 78.

тисты совместно с буржуазно-помещичьей оппозицией, возглавлявшейся Ж. Варгасом, приняли участие в движении 1930 г., свергнувшем олигархический режим в стране. Придя к власти и заняв важные посты в правительстве и штатах, они изменили революционным идеалам, перешли в стан реакции и империализма. Другую же часть тенентистов опыт похода заставил пересмотреть прежние ошибочные взгляды. «Я понял, — отмечает возглавивший эту группу революционеров Л. К. Престес, — что груз несправедливости нельзя уничтожить путем простой смены одного президента другим. Надо было тщательно изучить причины национального недуга, чтобы найти способ его излечения»⁵⁰. В дальнейшем эти представители революционного тенентизма, продолжив славные традиции, связали свою жизнь и судьбу с борьбой рабочего класса и Бразильской коммунистической партии против олигархии и империализма.

Активное, нередко решающее участие вооруженных сил в политической жизни многих стран «третьего мира» и некоторых капиталистических стран — характерная черта современности. Политизация армии не сводится к общему знаменателю, носит противоречивый, многоаспектный характер. В одних случаях военные правительства стремятся сохранить архаичные социальные отношения, в других — выступают за упрочение основ эксплуататорского строя путем модернизации «сверху», в третьих — осуществляют прогрессивные социально-экономические преобразования в интересах народа. Часто армии сами являются ареной ожесточенной борьбы.

Появлению и развитию демократических военных правительств, действующих ныне в ряде стран (Панаме, Перу и др.), во многом способствуют важнейшие события, происходящие на международной арене: успехи мирового социализма, крах колониальной системы, разрядка напряженности. Программные установки передового офицерства в наши дни шире и глубже требований тенентистов, ограниченных рамками своего времени. Патриотически настроенные военные правительства осуществляют в своих странах прогрессивные социально-экономические преобразования в интересах нации — антифеодалные, антиимпериалистические, нередко даже выходящие за рамки капитализма, стремятся привлечь массы к управлению делами государства. Но позиция, занимаемая ими при этом, «не носит характера окончательного классового, политического выбора, как это свойственно пролетарской или буржуазной позициям, а является позицией промежуточной, переходной. Это позиция, занятая относительно определенных задач общественного развития на определенном этапе освободительной борьбы...»⁵¹. Демократическому офицерству наряду с горячим свободолобием, решительной борьбой за национальную независимость присущи колебания, противоречивость. В его среде могут быть распространены психологическое предубеждение к коммунистам, негативное отношение к тем или иным отрядам трудящихся. Коммунисты, поддерживая прогрессивные мероприятия военных режимов, в то же время занимают самостоятельную классовую позицию, критикуют их слабости и ошибки. К. Маркс указывал, что в принципе «мелкая буржуазия может только до тех пор удерживать революционные позиции против буржуазии, пока за ее спиной стоит пролетариат»⁵². Залогом непрерывности революционного процесса, его постоянного развития по восходящей линии является активное участие в нем пролетариата во главе с марксистско-ленинским авангардом. Революция, возглавляемая патриотически настроенным офицерством, может быть успешной, если она приобретает массовый, народный характер.

⁵⁰ «Комсомольская правда», 1. V. 1974.

⁵¹ К. Н. Брутенц. Современные национально-освободительные революции (Некоторые вопросы теории). М. 1974, стр. 337.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 33.